

На край света. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://buninivan.ru/> Приятного чтения!

На край света. Иван Алексеевич Бунин

I

То, что так долго всех волновало и тревожило, наконец разрешилось: Великий Перевоз сразу опустел наполовину.

Много белых и голубых хат осиротело в этот летний вечер. Много народу навек покинуло родимое село – его зеленые переулки между садами, пыльный базарный выгон, где так весело в солнечное воскресное утро, когда кругом стоит говор, гудит бранью и спорами корчма, выкрикивают торговки, поют нищие, пиликает скрипка, меланхолично жужжит лира, а важные волю, прикрывая от солнца глаза, сонно жуют сено под эти нестройные звуки; покинуло разноцветные огороды и густые верболозы с матово-бледной длинной листвою над криницею, при спуске к затону реки, где в тихие вечера в воде что-то стонет глухо и однотонно, словно дует в пустую бочку; навсегда покинуло родину для далеких уссурийских земель и ушло «на край света»...

Когда на село, расположенное в долине, легла широкая прохладная тень от горы, закрывающей запад, а в долине, к горизонту, все зарумянилось отблеском заката, зарделись рощи, вспыхнули алым глянец изгибы реки, и за рекой как золото засверкали равнины песков, народ, пестреющий яркими, праздничными нарядами, собрался на зеленую леваду, к белой старинной церковке, где молились еще казаки и чумаки перед своими далекими походами.

Там, под открытым небом, между нагруженных телег, начался молебен, и в толпе воцарилась мертвая тишина. Голос священника звучал внятно и отдельно, и каждое слово молитвы проникало до глубины каждого сердца...

Много слез упало на этом месте и в былые дни. Стояли здесь когда-то снаряженные в далекий путь «лыцари». Они тоже прощались, как перед кончиной, и с детьми и с женами, и не в одном сердце заранее звучала тогда величаво-грустная «дума» о том, «як на Черному морі, на білому камені сидить ясен сокіл-білозірець, жалібноенько квилить-проквилія...». Многих из них ожидали «кайдани турецькії, каторга бусурманська», и «сиві тумани» в дороге, и одинокая смерть под степным курганом, и стаи орлов сизокрылых, что будут «на чорні кудрі наступати, з лоба очі козацькіє видирати...». Но тогда надо всем витала гордая казацкая воля. А теперь стоит серая толпа, которую навсегда выгоняет на край света не прихоть казацкая, а нищета, эти желтые пески, что сверкают за рекою. И как на великой панихиде, заказанной по самом себе, тихо стоял народ на молебне с поникшими, обнаженными головами. Только ласточки звонко щебетали над ними, проносясь и утопая в вечернем воздухе, в голубом глубоком небе...

А потом поднялись вопли. И среди гортанного говора, плача и криков двинулся обоз по дороге в гору. В последний раз показался Великий Перевоз в родной долине – и скрылся... И сам обоз скрылся наконец за хлебами, в полях, в блеске низкого вечернего солнца...

II

Провожавшие возвращались домой.

Народ толпами валил под гору, к хатам. Были и такие, что только вздохнули и пошли домой торопливо и беспечно. Но таких было мало.

Молча, покорно согнувшись, шли старики и старухи; хмурились суровые хозяйственные мужики; плакали дети, которых тащили за маленькие ручки отцы и матери; громко кричали молодые бабы и дивчата.

Вот две спускаются под гору, по каменистой дороге. Одна, крепкая, невысокая, хмурит брови и рассеянно смотрит своими черными серьезными глазами куда-то вдаль, по долине. Другая, высокая, худенькая, плачет... Обе наряжены по-праздничному, но как горько плачет одна, прижимая к глазам рукав сорочки! Спотыкаются сафьяновые сапоги, на которые так красиво падает из-под плахты белоснежный подол... Звонко, с неудержимой радостью пела она до глубокой ночи, бегая на реку с ведрами, когда отец Юхыма твердо сказал, что не пойдет на новые места! А потом...

На край света. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

– Прокинулись сю ніч, – говорил Юхым растерянно, – прокинулись вони, Зинька, та й кажуть: «Їдемо на переселення!» – «Як же так, тату, вы ж казали...» – «Ні, кажуть, я сон бачив...»

А вот на горе, около мельниц, стоит в толпе стариков старый Василь Шкуть. Он высок, широкоплеч и сутул. От всей фигуры его еще веет степной мощью, но какое у него скорбное лицо! Ему вот-вот собираться в могилу, а он уже никогда больше не услышит родного слова и помрет в чужой хате, и некому будет ему глаза закрыть. Перед смертью оторвали его от семьи, от детей и внучат. Он бы дошел, он еще крепок, но где же взять эти семьдесят рублей, которых не хватило для разрешения идти на новые земли?

Старики, рассеянно переговариваясь, каждый со своей думой, стоят на горе. Они все глядят в ту сторону, куда отбыли земляки.

Уже давно не стало видно и последней телеги. Опустела степь. Весело и кротко распевают, сыплют трели жаворонки. Мирно и спокойно догорает ясный день. Привольно зеленеют кругом хлеба и травы, далеко-далеко темнеют курганы; а за курганами необъятным полукругом простерся горизонт, между землей и небом охватывает степь полоса голубоватой воздушной бездны, как полоса далекого моря.

«Що воно таке, сей Уссурійський край?» – думают старики, прикрывая глаза от солнца, и напрягают воображение представить себе эту сказочную страну на конце света и то громадное пространство, что залегает между ней и Великим Перевозом, мысленно увидеть, как тянется длинный обоз, нагруженный добром, бабами и детьми, медленно скрипят колеса, бегут собаки и шагают за обозом по мягкой пыльной дороге, пригретой догорающим солнцем, «дядьки» в широких шароварах.

Небось и они все глядят в эту загадочную голубоватую даль:

«Що воно таке, сей Уссурійський край?»

А старый Шкуть, опершись на палку, надвинув на лоб шапку, представляет себе воз сына и с покорной улыбкой бормочет:

– Я йому, бачите, и пилу и фуганок дав... и як хату строїть, він тепер знаї... Не пропаде!

– Багато людей загинуло! – говорят, не слушая его, другие. – Багато, багато!

III

Темнеет – и странная тишина царит в селе.

Теплые южные сумерки неясной дымкой смягчают вечернюю синеву глубокой долины, затушевывают эту огромную картину широкой низменности с темными кущами прибрежных рощ, с тускло блестящими изгибами речки, с одинокими тополями, что чернеют над долиной. Старинный Великий Перевоз сереет своими скученными хатами в котловине у подошвы каменистой горы. Смутно, как полосы спелых ржей, желтеют за рекой пески. За песками, уже совсем неясно, темнеют леса. И даль становится дымчато-лиловой и сливается с сумеречными небесами.

Все, как всегда, бывало в этой мирной долине в летние сумерки... Но нет, не все! Много стоит хат темных, забитых и немых...

Уже почти все разбрелись по домам. Пустеет дорога. Медленно бредет по ней несколько человек, провожавших переселенцев до ближнего перекрестка.

Они чувствуют ту внезапную пустоту в сердце и непонятную тишину вокруг себя, которая всегда охватывает человека после тревоги проводов, при возвращении в опустевший дом. Спускаясь под гору, они глядят на село другими глазами, чем прежде, – точно после долгой отлучки...

Вот расстилается пахучий дымок над чьей-то хатой... покойно и буднично...

Вот красной звездочкой, среди темных садов, среди скученных дворов, загорелся огонек...

На край света. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Глядя на огоньки и в долину, медленно расходятся старики, и на горе, близ
дороги, остаются одни темные ветряки с неподвижно распростертыми крыльями.

Молча идет под гору, улыбаясь своей странной улыбкой старческого горя, Василь
Шкуть. Медленно отложил он калитку, медленно прошел через дворик и скрылся в
хате.

Хата родная. Но Шкуть в ней больше не хозяин. Ее купили чужие люди и позволили
ему только «дожить» в ней. Это надо сделать поскорее...

В теплом и душном мраке хаты выжидательно трюкает сверчок из-за печки... словно
прислушивается... Сонные мухи гудят по потолку... Старик, согнувшись, сидит в
темноте и безмолвии.

Что-то он думает? Может быть, про то, как где-то там, по смутно белеющей дороге,
тихо поскрипывает обоз? – Э, да что про то и думать!
Звонкий девический голос замирает за рекою:

Ой, зійди, зійди,
Ясен місяцю!

Глубокое молчание. Южное ночное небо в крупных жемчужных звездах. Темный силуэт
неподвижного тополя рисуется на фоне ночного неба. Под ним чернеет крыша, белеют
стены хаты. Звезды сияют сквозь листья и ветви...

IV

А они еще недалеко.

Они ночуют в степи, под родным небом, но им уже кажется, что они за тысячу верст
ото всего привычного, родного.

Как цыганский табор, расположились они у дороги. Распрягли лошадей, сварили
ужин; то вели беспокойные разговоры, то угрюмо молчали и сторонились друг друга...
Наконец все стихло.

В звездном свете темнели беспорядочно скученные возы, виднелись фигуры лежащих
людей и наклоненных к траве лошадей. Сторожевые, с кнутами в руках, сонно
ежились возле телег, зевали и с тоской глядели в темную степь...

Но с какой радостью встрепенулись они, когда услышали скрип проезжей телеги!
Земляк! Они окружили его, улыбались и жали ему руку, словно не видались
много-много лет.

Разбуженные разговором, подымались с земли и другие и, застенчиво скрывая свою
радость, тоже толпились у телеги проезжего, закуривали трубки и были готовы
говорить хоть до самого света...

Потом опять все затихло.

Взволнованные встречей, засыпали они, закрывая головы свитками, и все думали об
одном, – о далекой неизвестной стране на краю света, о дорогах и больших реках в
пути, о родном покинутом селе...

Холоднело. Все спало крепким сном – и люди, и дороги, и межи, и росистые хлеба.
С отдаленного хутора чуть слышно донесся крик петуха. Серп месяца, мутно-красный
и поникший на сторону, показался на краю неба. Он почти не светил. Только небо
около него приняло зеленоватый оттенок, почернела степь от горизонта, да на
горизонте выступило что-то темное. Это были курганы. И только звезды и курганы
слушали мертвую тишину на степи и дыхание людей, позабывших во сне свое горе и
далекие дороги.

Но что им, этим вековым молчаливым курганам, до горя или радости каких-то
существ, которые проживут мгновение и уступят место другим таким же – снова
волноваться и радоваться и так же бесследно исчезнуть с лица земли? Много
ночевавших в степи обозов и станов, много людей, много горя и радости видели эти
курганы.

Одни звезды, может быть, знают, как свято человеческое горе!

1894

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://buninivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

На край света. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!